

БАБУШКИНЫ ШАНЬГИ

В детстве меня на все лето отправляли к бабушке с дедушкой в маленький уральский городок, похожий скорее на деревню. Ехали мы туда с мамой по железной дороге почти двое суток с двумя пересадками. Лет до десяти это было моим единственным дальним путешествием. Сначала гул и металлический запах вокзала, потом стук колес, мелькающие картинки за окном и чай в граненых стаканах с подстаканниками — все это будоражило детское воображение и не давало усидеть на месте.

В Свердловске нас встречал дедушка, мамин папа. Он подхватывал меня сильными руками с подножки вагона, высоко поднимал, проверяя, намного ли я выросла за зиму. Потом обнимался с мамой. Дедушка обязательно встречал меня с подарком. Почему-то особенно запомнился один — голубые туфельки с ремешками на пуговках. Я пятилетняя самой себе казалась в них очень нарядной.

После торопливого обмена новостями мы с дедом садились на пригородный поезд, а мама оставалась на перроне и долго махала нам рукой. Меня не огорчала предстоящая долгая разлука с родителями. Душа была полна нетерпеливой радостью от скорой встречи с «бабинькой», как называли ребятишки в этих краях своих бабуль.

За Нижним Тагилом вагон постепенно наполнялся людьми, разговаривающими с совершенно особенной интонацией. Казалось, их быстрый говорок состоял из одних вопросов, вовсе не требующих ответов. И в нем так много встречалось словечек, которых я нигде больше не слышала: «пошто» вместо «почему», «баская» в смысле красивая, «робить», «блзниться», «пужаться»... Это все приводило меня в восторг, и я начинала «гуторить» подобным образом на второй же день по приезду. А моя мама, выросшая здесь, но выучившаяся на учительницу в большом городе, приезжая за мной в конце лета, приходила в ужас от приобретенных дочерью местных языковых навыков.

От вокзала мы с дедушкой шли пешком. В одной руке он нес чемодан, а другой крепко сжимал мою ладошку. Но как только мы выходили на знакомую улицу, ноги сами несли меня вприпрыжку с горки вниз по пыльной дороге, по деревянному мостку через речку и снова в горку, по зеленой травке, к бабушкиному дому. А она уже ждала, сидя на завалинке под окошком, улыбалась доброй улыбкой и принимала меня в мягкие объятия. У ног ее, приветливо лая и виляя хвостом, крутился мохнатый черно-белый пес Трезор.

Я с разбегу окуналась в деревенскую жизнь, наполненную простыми радостями.

Бабушка с дедушкой жили в большом по тем временам деревянном доме на шесть окон. И он, как живое существо, ждал моего приезда, бережно сохраняя с прошлого лета все таинственные закрутки и местечки, как будто специально созданные для ребячьих игр. Крытый просторный двор, застеленный досками, по которым можно бегать босиком, встречал привычным запахом свеженаколотых и уложенных дедом в высокую поленницу дров и вздохами коровы, доносящимися из хлева. Тут же в непогоду бегали и курочки с цыплятами. Кормить их зерном, следить, чтобы в поилках всегда была водичка, и вовремя подметать двор веником — вот была моя работа-забава на все лето.

На завалинке вдоль стены дома выстроились в ряд большие ведра с колодезной водой, и среди них — два маленьких ведерочка, пока пустых. Над ними, на отдельном крючке, поодаль от больших коромысел висело расписное маленькое. Вот и второй подарок-сюрприз! Теперь я тоже буду ходить по воду к колодцу, как бабушка, как мои здешние подружки!

Со двора в дом вело крыльцо с широкими крашеными ступенями и двумя скамейками-завалинками по обеим сторонам — самое удобное место для игры в куклы. Таинственную темноту и прохладу просторных сенок, где стоял ларь с мукой и хранились дедушкины инструменты, от приветливого тепла и света избы отделяла тяжелая дверь с высоким и широким порогом.

Главной в передней части дома была русская печь. Вдоль ее большого теплого бока расположилась деревянная кушетка-лежанка. На ней бабушка, у которой часто болели ноги, отдыхала днем. За печкой, укрытый занавеской-задергушкой, прятался жестяной рукомойник. На полатах всегда лежало одеяло с подушкой, но залезать туда летом не хотелось. А большое жерло печи, закрытое металлической заслонкой, выходило на маленькое пространство, именуемое печным углом или кухней. Здесь помещались всего лишь прилавок, лавка у стены да деревянная навесная полка для посуды, прикрытая вышитой занавеской.

За занавеской, кроме тарелок, в уголке стояли иконки — портреты Боженьки, как я их называла. Бабушка не афишировала свою веру в Бога, так как ее единственная дочь, моя мама, преподавала историю и атеизм в школе, а зять, мой папа, состоял в Коммунистической партии.

На кухне, между печью, столом и лавкой, под домотканым половичком скрывался вход в подпол. Лазила я туда с превеликим удовольствием и любопытством.

Шишки, как везде в доме, ступени вели в чистое просторное помещение. Тут на полках, прикрепленных дедушкой к стенам, выстроились банки магазинных и домашних консервов, глиняные кринки с молоком, сметаной и топленым маслом, обязанные поверх крышек чистыми тряпицами. В углу стояла деревянная кадка с хрустящими укропными солеными огурцами, а рядом — кадучечка поменьше, где еще с прошлого года под гнетом хранились белые крепкие грузди. Бабушка обычно ставила голубую крашеную табуретку возле открытого подпола и, посмеиваясь, руководила мной и подсказывала, где и что искать, пока я изучала все его закоулки.

Печь служила бабушке верой и правдой и наполняла дом разными ароматами. Кроме запаха готовящейся пищи, в зависимости от сезона в избе стоял дух сушеных грибов и лесных ягод или томящихся кедровых шишек. Нынешним хозяевам, владелицам навороченных духовок с градусниками, таймерами, различными режимами и конвекцией воздуха, не понять, как можно приготовить наваристые щи, ароматное жаркое, пышные пироги и даже испечь капризные безе в русской печи, растапливаемой дровами.

У бабушки моей никогда ничего не подгорало, и все получалось необыкновенно вкусным. Сегодня, встречая в супермаркетах сдобные изделия под названием «французские вафли», я с ностальгией вспоминаю вафли моей бабиньки. По форме продукт современной кулинарии тот же, но по сути не имеет ничего общего с пышным, мягким лакомством, которое она готовила в чугунной форме с длинными ручками в жаркой печи. Я брала еще горячую вафлю, наливала в квадратные вмятинки сгущенку и с наслаждением откусывала. Сладкие капли стекали по подбородку, склеивали пальцы, капали на платье.

На каждый день бабушка готовила еду самую простую. Но никогда и нигде позже я не ела такого ароматного куриного супа с золотистым бульоном, как у бабиньки. И ее паровые котлетки хотелось проглотить со сковородкой вместе. Даже отварная картошка казалась необыкновенно вкусной — погребная, рассыпчатая, с топленым маслом и укропом, с горбушкой еще теплого, только что испеченного хлеба и кружкой холодного молока.

Примерно раз в неделю бабушка устраивала день большой стряпни и еще затемно ставила тесто в большой глиняной конусообразной посудине под названием «квашонка». Когда я просыпалась, оно, прикрытое чистым полотенцем, уже вовсю дышало и пытело, как живое. Я знала, что к вечеру прилавок, лавка, круглый стол в горнице будут заняты хлебными караваем и пирогами, маковыми витушками и шаньгами творожными и картофельными. На ночь в остывающую печь бабушка ставила большие листы с маленькими беленькими комочками взбитых с сахаром яичных белков. К утру они превращались в нежнейшие безешки с заборными хохолками и слегка влажной сердцевинкой.

Меня всегда удивляло количество бабушкиной стряпни.

— Бабинька, зачем так много? — интересовалась я.

— Не умею по-другому, внучка. Рука так поставлена. Да лишним ничего не будет. Соседки найдут почаевничать, к тебе подружки прибегут, вот все и пригодится к столу.

И правда, у бабушки ничего не засыхало и не пропадало. А стряпня ее славила по всей улице, где, к слову сказать, в каждом втором доме жил какой-нибудь родственник, или сродник, как здесь называли, не вдаваясь в степень родства. Даже через много лет, когда дедушка ушел из этой жизни, и бабушка осталась одна, она не изменила своей привычке: если стряпать, то стряпать много.

Мама моя, сделавшись городской жительницей и живя вдали от родительского дома, более всего скучала по бабушкиным (для нее — маминим) шаньгам. Это

такие открытые уральские пироги, совсем не похожие на стряпню, именуюмую ватрушками, в виде сдобной булочки с толстыми краями и шлепком начинки посередине.

У уральской шаньги края тоненькие, нежные, начинки в нее положено много. Творог для творожной шаньги бабушка варила сама, добавляла в него только яйца, а сверху щедро смазывала жирной сметаной, снятой с молока от своей коровы. Из печи такая шаньга доставалась покрытая коричневыми пленочками. Только тогда пыхтящую ее поверхность бабушка густо посыпала сахарным песком, который таял на глазах и впитывался творожным нутром.

Мама моя отдавала предпочтенье шаньгам с картофельной начинкой, в приготовлении которых тоже имелись свои тонкости. В толченую картошку бабуля добавляла яйца, соль и топленое масло, а сверху опять смазывала сметаной. Шаньги она лепила размером с большую тарелку, взять такие в руки было невозможно, и потому их и ели, держа на тарелке и откусывая свободный край.

Я давно сама стала бабушкой, у меня трое внуков. И всегда, когда завожу тесто, я вспоминаю бабинушку. А если я хочу порадовать семью и друзей настоящей шаньгой, то иду на рынок и покупаю молочные продукты нужного качества у жителей Башкирии, понимающих в этом толк.

Летом мой дом наполняется детскими голосами и дрожит от топота ног подрастающих внуков. Я стряпаю пирожки по собственному фирменному рецепту и, конечно, бабушкины шаньги. Гляжу, как исчезают они со скоростью быстрой, поедаемые нашими и соседскими детьми, и думаю: «Какой замечательный способ сказать о своей любви к дорогим тебе людям — вкусно накормить их!»

Этим искусством в совершенстве владела моя бабинушка.

ДЕУШКА-СЕМИДЕЛУШКА

Стучат, постукивают колеса вагона. Я лежу на верхней полке и смотрю, как проносятся за окном картинки. Сверху мне все видно лучше. Вон корова с теленком на полянке пасутся. А вон мальчишка на велосипеде крутит педали. Видно, что торопится, наверно, наш поезд догнать хочет. Все, отстал, зато домики показались. На бабушкин похожи. Не успела рассмотреть. А теперь — деревья. Большие. Высокие. Как их много! Дремуций лес! Как близко, совсем рядом. Мелькают так быстро-быстро! Глаза устали!

Отворачиваюсь от окна и, глядя в потолок вагона, мечтаю о скорой встрече с бабинушкой и своими подружками-сестрами. Представляю себе, как все непременно будут радоваться моему приезду и удивляться, какая стала я взрослая. Конечно, уже ведь не детсадовка, как позапрошлым летом, а первый класс закончила, и не как-нибудь — на одни пятерки! Не зря ведь дед разрешил мне ехать на верхней полке; даром, что это пригородный поезд, и все другие пассажиры сидят на нижних. И мама, прощаясь со мной на перроне большого свердловского вокзала, поцеловала меня и велела присматривать в дороге за дедушкой. Я и присматриваю: иногда свешиваю голову с полки вниз и прислушиваюсь к его разговору с пассажирами нашего купе, такими же окающими и шшокающими, как он и все вокруг.

Какие живые и яркие детские воспоминания! Как будто это было вчера — я опять на все лето ехала к бабинушке Мане, доброй, хлебосольной и веселой. А она ждала меня, свою единственную внучку, в уютном доме с шестью окошками в резных наличниках.

Забот в деревенском хозяйстве всегда хватало: содержать дом в чистоте, поддерживать порядок во дворе, обихаживать скотину. Дедушка еще работал на заводе, поэтому от него пахло железками и машинным маслом.

День у них с бабушкой начинался рано. Спросонья я слышала петушинуую разноголосицу, хлопанье дверей, скрип ворот. Потом раздавалось мычанье коров, цокот лошадиных копыт и щелканье пастушьего кнута. Они постепенно затихали, удаляясь. Наступала тишина. Снова наваливалась дремота. Но скоро по избе разливались вкусные ароматы, и бабушкин ласковый голос будил меня. Я еще несколько минут лежала на мягкой перине, наблюдая, как кошка играет с упавшим клубком, а солнце сквозь задернутые шторы рисует на полу кружевной узор.

Мне очень нравилось убранство бабушкиного дома. Узорчатые подзоры украшали торжественную кровать с высокой пирамидой подушек, укравшейся белоснежной кружевной накидушкой. В дверных проемах висели длинные полотняные шторы, а на окнах — коротенькие задергушки. Вышитая скатерть покрывала круглый стол в большой комнате, а такие же нарядные салфетки — комод и нижнюю часть резного буфета. Все было сделано бабушкиными руками.

Я до сих пор берегу одну скатерть из выбеленного льна, расшитую яркими узорами гладью, одинаково нарядную с лицевой и изнаночной стороны. Кроме нее, в семье трепетно хранится еще одна реликвия, сочиненная бабушкой к моему рождению — уголок для младенца из тончайшего батиста, украшенный по всем четырем сторонам и в центре филигранной вышивкой рিশелье. В него наряжали новорожденных уже трех поколений нашего рода.

Моя бабушка умела все. В углу спальной части дома примостилась расписная, с ножным приводом швейная машинка «Зингер», в сенках стоял станок с челноком, на котором бабушка при необходимости ткала грубоватые, но такие нарядные половики, а за печкой притаилась прялка. Я любила наблюдать, как из-под бабинькиных толстых пальцев выползает тоненькая нить и сама наматывается на пляшущее веретено.

Бабинька, когда у нее случалось нездоровье и больные ноги не давали ей хлопотать по дому, пристраивалась с каким-нибудь заделем на жесткой кушетке-лежанке у печи. А я, если не убегала на улицу с подружками, мостилась рядом, с любопытством глядя, как ловки в работе бабушкины руки в синих полосках вен.

Мне хотелось быть такой же умелой, и бабушка всегда разрешала пробовать силы в занятиях, мне не знакомых. Она учила меня месить тесто, орудовать скалкой, рубить капусту сечкой в деревянном корытце, подсказывала, что мыть полы лучше вдоль половиц, а не поперек, показывала, как правильно выкручивать мокрую тряпку. Под бабушкиным присмотром я, маленькая, шила куклам наряды, вышивала салфетки и вафельные полотенца. В семь лет знала, что такое стебельчатый шов, простой и болгарский крест, умела «обметать» срез и «закозлить» край.

В то лето бабинька, узнав, что зимой я самостоятельно научилась делать спицами простые петли, подарила мне первый детский альбом по вязанью и научила вязать носки и варежки.

В доме повсюду валялись мои незаконченные рукоделья. Обладая нетерпеливым характером и неуемным любопытством, я обыкновенно бросала начатое на полдороге, потому, как всегда, находилось что-то еще более интересное для маленькой девочки. Поэтому бабушка придумала для меня прозвище — «деушка-семиделушка».

Любопытно, что моя мама, бабушкина дочка, за всю жизнь не держала спиц в руках и не умела вышивать. Я же с удовольствием впитывала все умения, какими бабинька щедро делилась со мной. Она даже умудрилась научить меня, пятилетнюю, бить чечетку тогда, когда сама этого делать уже не могла из-за болезни ног, и отбивала нужные ритмы ладонями по столешнице.

Конечно, у меня не всегда все получалось. Мне так и не покорилась прятка с веретеном. А сколько раз я возвращалась от колодца в мокрых сандаликах и с пустыми ведрами. Это ведь очень не просто — идти с коромыслом на плечах так, чтобы вода, налитая до краев, не колыхалась и не выплескивалась на траву. Живя в городской квартире, я просто открывала кран при надобности, но у бабушки мне хотелось быть такой ловкой, как требовала деревенская жизнь. И если моя бабинька и подружки легкими павами плыли к дому с полными ведрами, то и я этому научилась.

Вот чего не умела делать, так это бегать по земле босиком. Нежные пятки городской девочки приятно щекотала зеленая травка. Но как только нога ступала на каменистую тропку, все песчинки и галечки впились в подошву грубыми гвоздиками, и я бежала обуваться в сандалии.

Позади дома начинался большой огород, где каждое лето выделялась пара грядок для меня. Дедушка подарил мне детский набор огородных инструментов. И я с воодушевлением поливала свое маленькое хозяйство, выдергивала сорную травку и ждала, когда потолстеют морковные хвостики или надуются круглыми семенами стручки сладкого гороха. Это занятие казалось гораздо увлекательней, чем строительство песочных куличиков в родном городе.

Очень весело было и приглядывать за цыплятами, когда их начинали выносить на полянку перед домом. Желтые пушистые комочки бестолково сталкивались, роняя друг друга, и тоненько пищали. А я зорко следила, чтобы никто не потерялся, проявляя, наверно, большую озабоченность, чем их мама-курица. Цыплята росли на глазах. Уже через две недели у них вырастали перышки на хвостах и крыльях, а молодые петушки начинали устраивать первые бои.

Меня радовало, что у бабушки водились только куры, и не было гусей, которых я боялась. Гусей разводила двоюродная тетка Валентина, чей дом стоял через дорогу напротив. Когда я направлялась в гости к ее дочкам, то внимательно осматривала улицу — далеко ли гусиный выводок. Оценив расстояние до воинственных птиц, я стремглав неслась к дому сродников, а гуси, вытянув шеи, с шипением гнались следом, пока калитка не захлопывалась перед их клювами.

С удовольствием я участвовала с бабинькой в хозяйственных хлопотах. Одним из таких полезных развлечений был поход с выстиранным бельем на городской пруд. Лет с восьми мы с бабинькой ходили вдвоем, и она учила меня полоскать белье и отбивать его деревянным вальком. Бабушка управлялась с большими вещами, а мне поручала салфетки и полотенца. Я старалась изо всех сил, размахивая маленьким вальком, специально выструганным для меня дедушкой.

С двенадцати лет я уже самостоятельно справлялась с этой работой. Сговорившись с кем-нибудь из сестер, мы выезжали каждая со своего двора, толкая перед собой одноколесные тачки с большими корзинами, наполненными выстиранным бельем, пахнущим хозяйственным мылом. Наперегонки бежали мы с неповоротливым грузом в проулок, пересекали три улицы и выруливали прямехонько к пруду. На деревянных мостках, выбеленных мылом, водой и солнцем, обязательно уже кто-то был.

Тачки мы оставляли на берегу. Тут же и разувались. На чистые доски выходили босиком, и, помогая друг другу, выносили сюда же тяжелые корзины. А потом под брызги, смех и девчачьи разговоры закипала работа до ломоты в плечах. Простыни и пододеяльники полагалось выполоскать в пруду, выбросить на доски, отбить вальком, потом снова выполоскать и повторить так многократно, пока чистое белье не станет скрипеть под пальцами и источать непередаваемый запах свежести. Только тогда его разрешалось отжать и уложить в корзину. Обратного мы шли не спеша, продолжая нескончаемую девчоночью беседу.

Я гордилась своими умениями, но порой детским хвастовством ставила бабинь-

ку в неловкое положение. Так однажды (мне было одиннадцать) мама отдала нам с бабушкой свой трикотажный жакет на растерзание. В те времена вещи часто перешивали. С жакетом мама решила расстаться то ли потому, что он подсел от стирки, то ли она сама поправилась, то ли наряд просто надоел. А я подросла и нуждалась в обновке.

Не решившись разрезать хорошую вещь, бабинька обратилась к портнихе, обшивавшей пол-улицы. Зинаида пришла вся из себя важная, придирчиво покрутила жакет и отодвинула, решительно заявив, что шкурка выделки не стоит — край сложный, ничего путного не получится.

Бабинька, по обыкновению, пригласила гостью к столу и принялась угощать ее чаем с хворостом в виде розочек. Я же тихонько скомкала забракованную одежду, выскочила за ворота и припустила бегом к любимой старшей сестренке Людмиле.

Тринадцатилетняя Люда, подобно мне, не видела препятствий в исполнении любой нашей фантазии. Она надела на меня жакет, вооружилась ножницами и иглой с ниткой и с воодушевлением принялась за работу. Я стойко терпела неудобства долгого стояния в виде манекена и ойкала, когда иголка прокалывала не только ткань. При этом я еще периодически бегала к зеркалу и указывала, где и что не так.

Собрав на мне обновку, Люда громко застрочила на швейной машинке. А я нетерпеливо подпрыгивала рядом и подгоняла:

— Скорей! Ну, скорей! Нужно успеть, пока Зинаида не ушла!

— Успеем! Она по три часа чай гоняет, — успокаивала меня сестра.

Когда я влетела в избу в новом ярко-зеленом жакете, портниха, не спеша, пила пятую чашку чая и рассказывала о том, какие наряды кому пошила.

— Вот, смотрите! — восторженно завопила я, — видите, как красиво! А Вы говорили, что ничего не получится! Это мы с Людой сделали!

Зинаида поперхнулась чаем. Бабинька засуетилась возле стола, пряча улыбку. А я, покрутившись перед оторопевшей швеей, также стремительно вылетела за порог, торопясь поделиться с сестрой полученными впечатлениями. Бабушка так и не сделала мне выговор за неучливое поведение перед гостьей. Наверно, ей очень понравилась наша с Людой работа. По семейным фотографиям да старинному сундуку я знала, что она и сама когда-то была франтихой.

Большой кованный сундук стоял в передней избе, слева от входной двери. Лет до десяти я спокойно могла вытянуться на нем во весь рост. В сундуке хранились сокровища. Сверху лежали отрезы, подаренные моей мамой по какому-либо случаю. Но самое интересное пряталось на дне: плюшевая кацавейка, отороченная узкой полоской каракуля, каракулевая же шляпка с черной вуалькой в мушках, бархатная муфта, расшитая бисером, какие-то кружева, перчатки, пуговицы в круглой металлической коробке и еще много чего любопытного. Бабинька осторожно доставала каждый предмет, встряхивала, разглаживала. От содержимого сундука пахло нафталином. Я каждый раз рассматривала старые узоры, трогала пальчиками бусы и петельки и все старалась примерить. Потом вещи складывались в том же порядке и скрывались под крышкой с медными уголками до следующего раза.

По вечерам семья собиралась за общим столом. Длинное чаепитие с разговором переходило в игру в лото или в карты, в «дурачка». Этому меня тоже научила бабушка. И она так ловко управлялась с картами, что я частенько оставалась не просто дурачком, а «дурачком в погонах», так как моя бабинька со смехом пристраивала мне на плечи две простые шестерки. Но это не казалось обидным.

Сделавшись взрослой, я не перестала быть «деушкой-семиделушкой» — в том смысле, что умею делать два-три дела сразу. В квартире всегда имеется несколько

начатых рукоделий. Правда, теперь я все доделываю до конца. Работая врачом, я никогда не теряла интереса к ручному труду. С мужем мы вырастили образованных и «рукастых» детей. Внуки активно влезают во все мои хозяйственные хлопоты, соревнуясь друг с другом в быстроте и умении. А я не устаю благодарить за это мою бабиньку.

ДЕДУШКА

Листаю старый семейный альбом, рассматриваю снимки. Какие они красивые — мои бабушка и дедушки! Дедушек было два, но я знала одного. Первый, родной, умер молодым, даже моя мама его не помнила. А второй, неродной, но самый родненький и любимый вместе с бабинькой, встречал меня каждое лето.

Дединька, дюдя Андрей! Он и на дедушку-то не похож. Статный, крепкий, в ватнике и кирзовых сапогах. Он работал на бывшем демидовском заводе. Кажется, даже запах железа и машинного масла всегда чувствую от него. Как я его ревновала ко всем уличным ребятишкам! Бабиньку не ревновала, а его... Ногами топала, на улицу выскакивала и разгоняла соседских мальчишек, когда они под окном хором выкрикивали его:

— Дюдя Андрей!

Бабинька вводила меня, орущую.

— Хватит уже, оглашенная! — уговаривала она.

— Какой он им дюдя! — не унималась я. — Он мой!

— Да щас он им только покажет, как дудочки из камышинок делать, и придет.

Став старше, я пыталась понять, откуда взялась эта детская ревность? Может быть, она родилась потому, что бабушку бабинькой, кроме меня, никто не называл, а дедушку дюдией Андреем звали другие ребятишки? Как бы то ни было, я относилась ревностно к деду все годы общения с ним. Их было немного — десять.

Но однажды я обидела дедушку. Раз в год с ним приключалась неприятность — дед уходил в запой. Он выпадал из жизни на неделю-другую, а потом опять капли в рот не брал. В такой вот день дедушка сидел на одной из скамеек-завалинок у крыльца. Видимо, дойти до избы сил у дюдю Андрея не хватило.

Я окликнула его раз, другой, потормошила — ответа не получила. Дед сидел, устремив неживой взгляд в никуда. Рассердившись, я запустила обе свои маленькие ручки в его густую шевелюру и потянула на себя. Дед свалился со скамьи мне под ноги.

На шум выбежала бабинька. Она вмиг поняла, что случилось. И мне попало. Оказывается, дед спал с открытыми глазами. Он продолжал спать и на полу. А мне от упреков бабиньки стало очень стыдно, тем более что за два дня до этого дед наказал из-за меня любимого пса.

С черно-белым Трезором я дружила. Большой и кудлатый, он бегал со мной наперегонки, ловил мячик, позволял гладить себя по лохматым бокам. Но все это происходило на улице, когда домашний сторож спускался с привязи.

В тот раз я вынесла ему еду, положила угощение в миску и, присев на корточки, принялась наглаживать пса, хотя тот занялся трапезой. Проявляя, таким образом, свое расположение Трезору, я совершенно не ожидала нападения. Мохнатый друг вдруг коротко рыкнул и цапнул меня за руку.

На мой пронзительный визг дедушка с бабушкой выбежали из хаты. Бабинька подхватила меня, вопящую, и в испуге стала ощупывать и обглядывать. На коже предплечья остались вмятины от собачьих зубов, но не обнаружилось ни одной царапины.

— Анюта! Пошто не отошла от него? Ты бы ишпо в пасть к нему залезла! — увещевала меня бабинька.

— Да! Я думала, он меня любит! — рыдала я.

— Любит, любит! Но вишь — на цепи сидит, значит, сторожит. И свою еду защищат. Он только напугать тебя хотел, ранок-то нет.

Скоро слезы высохли, испуг прошел. Мне даже стало жалко Трезора. Дедушка ударил его ремнем.

Было в этой уральской глухомани одно чисто мужское занятие, которого ждали с нетерпением все ребятишки. Оно обеспечивало их на всю осень и зиму любимым лакомством. К середине августа, а то и к сентябрю наступало время сбора кедровых шишек — шишкойой. Городок стоял в окружении кедрачей. Но за шишками мужики со всей улицы уходили далеко в тайгу. С собой брали еду, мешки и колот — большой деревянный молоток для ударов по стволам кедров. Возвращались они к вечеру второго дня. Каждый за плечами нес полные мешки пахучей добычи.

Мне вспоминается один такой теплый августовский вечер. Мы с сестрами и еще целая ватага соседских ребятишек играли на поляне перед домом моей тетки Валентины. На этой же поляне стоял сруб. Его недели две до того дружно собирали мужики с нашей улицы. Я впервые наблюдала, как складывают дом: совсем так же, как я — свой игрушечный разборный домик из беленьких гладких бревнышек. Только тут бревна были настоящие, тяжелые и толстые. Мне казалось, что дедушка лучше других знает, как их нужно прилаживать. Он вместе со всеми строил дом, ловко орудуя топором.

Теперь этот сруб без крыши, с прорезями для окон стоял посреди поляны. Между нижними бревнами и травой имелся зазор, через который ребятня поменьше пролазила внутрь. Старшие штурмовали оконные проемы. Дед объяснил мне, что дом не останется здесь, а встанет в ряд с другими, когда для него подготовят фундамент. Тогда его сначала разберут, а потом снова соберут на нужном месте.

Пока же он служил нам и местом для игр, и своеобразной крепостью. Мы прятались в нем, когда возвращалось с выпаса стадо. Каждый знал и не боялся свою корову. Но когда большая рогатая масса, вздымая пыль, с громким мычанием выползала из-за пригорка на нашу улицу, это вызывало у детворы уважительный страх. Мы залезали в сруб и с осторожным любопытством выглядывали из оконных проемов, чувствуя себя в безопасности.

Животные толкались, торопясь каждое к своим воротам. То и дело которая-нибудь взбрыкивала и хвостом хлестала себя по бокам, спасаясь от паутов. Здоровенный бык, вызывавший в нас особенный ужас, создавал дополнительное столпотворение в стаде. Низкое многоголосое мычание прерывалось короткими, как выстрелы, хлопками пастушьего кнута. Генералом возвышался над этой волнующейся толпой пастух, ехавший верхом. Хриплому лаю его собаки вторили дворные сторожа.

Стадо таяло на глазах, как сугробы рыхлого снега в весеннем потоке. Вместе с рогатыми кормилицами исчезли с улицы и хозяйки, занявшись вечерней дойкой.

Уже заохолодел вечерний воздух, и краски дня потеряли яркость, когда в конце улицы показались мужики с тяжелой поклажей за плечами. Усталые и заветренные их лица в ответ на восторженные детские крики освещались довольными и горделивыми улыбками.

Наша ватага моментально распалась, забыв про игры. Каждый устремился к своему отцу, деду, старшему брату. Я тоже со всех ног бросилась к дяде Андрею, пропахшему лесом, повисла на его шее. Потом гордо шла с ним рядом, держась за крепкую руку и поглядывая на мешки, связанные и перекинутые через дедово плечо.

Дома бабинька уже растопила печь, накапятила в чугунке воды. Шишки пола-

галось выварить или испечь, чтобы смола из них вышла. Какие же они сладкие, эти первые в сезоне кедровые шишки! Духовитые, скорлупки тоненькие, а ядрышки нежные-нежные! То, что сейчас можно купить в любом магазине, совсем не похоже на таежное лакомство детства, добытое дедом.

На следующий день детвора появлялась на улице с оттопыренными карманами. Еще и менялись друг с другом: вареные шишки обменивались на печеные — и наоборот. И бабушки-соседки, сидя на заваulinке под разговоры не семечки лузгали, а орешки щелкали. Уезжая в конце лета домой, я увозила с собой и узелок с шишками. А зимой к Новому году приходила посылка с гостинцем от бабиньки и дединьки — шишки.

Однажды, когда мне было девять, я упростила бабиньку отпустить меня с дедом в лес по ягоды.

— Ну сходи, сходи! Пауты-то вот накусают! И ежели в лесу што поблазнится — не жалься! — наказала она и добавила, обратясь к деду: — Шибко-то далеко не ходите, тебе же ее на закорках нести, коли устанет.

Радости моей не было предела. Наконец-то я обставлю соседских мальчишек, гоняющихся за моим дедом.

Наутро бабинька подняла меня с петухами. Она собрала нам кузовок, положила хлеба, котлеток, вареной картошки, наполнила бутылку клюквенным морсом. Мне велела повязать голову платком, надеть рубашку с длинными рукавами, трико и резиновые сапожки. Я все стерпела, хоть и возмущалась в душе, что бабушка нарядила меня, как кулему.

Помня бабушкин наказ, а больше боясь, что, если захнычу, дедушка больше не возьмет меня с собой, я не капризничала и не жаловалась, шагая за ним по болотным кочкам, перебираясь через ручей по скользким камушкам, продираясь сквозь густой кустарник в лесной чаще.

За давностью лет я не помню целиком весь наш поход. В памяти не сохранилось и чего-либо неприятного или страшного, но осталось ощущение защиты и спокойствия от присутствия деда в сумрачном густом лесу среди деревьев-великанов. По сравнению со светлым и прозрачным лесочком возле нашего города, куда я не раз ходила с отцом, этот показался мне сказочно дремучим. Может, там и были пауты, но запомнилась ярким пятном земляничная поляна, где меня оставил дедушка. Я ползала по траве между душистых ягодок, а он прочесывал лес в поисках грибов, время от времени подавая мне голос.

Сначала отдельные землянички перекатывались по дну литровой банки. А я срывала еще одну и еще, не разрешая себе складывать их в рот. Когда дед вернулся на поляну с корзиной белых грибов, я с гордостью показала ему свою посудину, наполненную доверху. Дедушка развел костер. Мы с аппетитом прикончили бабинькины припасы.

Дорога домой показалась короче. Дедушка шагал споро, как по знакомой улице, уверенно зная, когда и куда повернуть. Я старалась не отставать.

Как важничала я, выкладывая перед бабинькой нашу с дедом добычу, как хваталась тем, что не пищала в походе и ни капельки не устала! Дед хвалил меня за выносливость. Бабушка удивлялась, всплескивая руками. Охи и ахи начались, когда я стала переодеваться и сняла трико.

— Андрюша! Ты што сробил с робенком? — запричитала бабинька. — Ты глянь — у нее вся заднюха съедена! Я как родителям ее в таком виде верну, они через неделю приежжают!

Я и сама удивилась тому, что открылось под штанами. Все мягкие места ниже плавков оказались сплошь покрыты мелкими укусами, вспухли и были горячими на ощупь. Так я узнала, что такое таежная мошка. Много лет прошло. Я помню

эту живописную картину. Удивляюсь, что память милосердно не сохранила, как зудели и болели укушенные места.

И земляника, собранная собственноручно, оказалась особенно сладкой. Бабинька налила в глубокую тарелку холодного молока. Я сама насыпала туда ягод и ела их большой ложкой, прикусывая горбушкой хлеба, испеченного бабушкой накануне. Грибы она, почистив, крупно порезала, пожарила со сметаной и подала к ужину с вареной картошкой и укропом. Этакий деревенский жульен!

Этот поход в тайгу так и остался для меня единственным. Не потому, что больше не хотелось. Просто лето кончилось, и родители увезли меня домой.

А через год дедушки не стало.

ОГОНЕК

Лента шоссе убегает вдаль. Сеет мелкий холодный дождь. Вдали от крупных городов дороги Свердловской области пустынные. Мы в пути уже четыре часа. Пора делать остановку.

Вот и придорожное кафе. Мальчишки, мои внуки, потихоньку ворчат, что бабушка придумала куда-то ехать в непогоду. Ворчит и муж. Он теперь не любит ездить на дальние расстояния, да еще по незнакомому маршруту. Я молчу. Несмотря на непрекращающийся дождь и недовольство попутчиков, меня наполняет радостное предчувствие встречи со своим прошлым. Мы едем в город моего детства, городок бабушки и дедушки, родителей мамы.

Кроме меня из всей нашей компании только дочь, взявшая на себя в поездке роль штурмана в дополнение к современному навигатору, не теряет хорошего расположения духа. Время от времени она прикрикивает на мальчишек, увещевая их, что поездка в незнакомые места всяко полезней, чем сидение перед телевизором, и успокаивает отца: он замечательный водитель, и торопиться нам некуда — отпуск.

Между нашими городами — всего пятьсот километров. Теперь это расстояние на машине можно преодолеть за несколько часов, а в далекие советские времена путешествие на поезде длилось почти двое суток.

Я не была в этих краях более тридцати лет. Когда бабиньки не стало, провожала ее в последний путь моя мама. Мне не позволили заботы о маленьких детях. С тех пор никто из нас сюда не ездил. Потерялись связи с подружками-сестричками. Пока мы учились, выходили замуж, рожали детей в разных уголках нашей страны, на время показалось, что старые привязанности не очень важны.

Но это только показалось. Раньше бабушка в своих письмах подробно сообщала мне о маленьких и больших новостях наших сродников. После ее ухода я что-то узнавала от своей мамы и ее двоюродной сестры, с которой она поддерживала отношения, но это касалось уже совсем другой родственной ветви. Потом и эта веточка обломилась.

В последнее время, все чаще вспоминая счастливые моменты, проведенные рядом с бабинькой, и скучая по ее теплу, я отчаянно, но безуспешно пыталась найти своих сестренек в интернете. Вдруг полгода назад увидела в социальных сетях фото одной из них, самой любимой. Воодушевленная, написала ей пространное сумбурное письмо, но до сих пор не получила ответа.

Наверно, я довольно часто говорила о беззаботном и светлом детстве у бабушки. И этим летом моя дочь решила, что пришла пора показать детям Свердловскую область. Она уговорила сопротивлявшегося поначалу отца и развеяла мои сомнения о том, что у нас там никого не осталось. И вот мы едем. А дождь идет и идет. Промозгло. Холодно.

На ночлег остановились в забронированной по инету квартире в городе, сосед-

нем с городком моего детства, расположенном от него всего в двенадцати километрах.

Наутро ничего не напоминало о вчерашней непогоде. Светило солнце, небо удивляло пронзительной синевой.

К радостному ожиданию встречи примешивалось беспокойство — а вдруг я заблужусь без провожатых! Я могла заплутать в трех домах, не только в трех соснах. Наверняка еще и городок перестроился. Даже названия улиц не помню!

Наша машина въехала на небольшую площадь, мощенную булыжником.

— Ребята, давайте пешком прогуляемся. Я ведь никогда не ездила здесь на машине, — попросила я.

Волшебство случилось сразу, как только подошвы коснулись мостовой. И как я могла бояться, что потеряюсь здесь?! Вдохнув здешний самый настоящий деревенский воздух, прислушавшись к шуму плотины, я как бабочка на огонек устремилась по протоптанным дорожкам и тропинкам к одной мне известной цели. В этот день внуки время от времени пытались пожаловаться на усталость и урезать не на шутку разогнавшуюся бабушку. Не тут-то было!

Сначала я пробежалась по аллеям старого парка. В глубине его неожиданно обнаружилась уцелевшая танцевальная площадка. Сюда в юности мы бегали на танцы. Круглая, с пробивающейся сквозь стертые плиты травой, окруженная штакетником и скамейками вдоль него, с крытыми подмостками для оркестра. Как громко звучала музыка в летние вечера!

— Бабушка! Смотри, какие большие иголки на этой сосне! — прервал мои воспоминания младший внук.

— У сосны не бывает таких, — возразил старший.

— Эта гигантская! Видишь, какая высокая!

— Мальчишки! Это не сосна. Это кедр! — обрадовалась я старому знакомому.

— Давай найдем шишки! — предложил младший старшему. — Бабушка говорила, что они вкусные.

— За шишками люди в тайгу ходят. Здесь птицы уже все выклевали, видите — пустые, — разочаровала я мальчишек.

Мы смотрели на могучее дерево с восхищением.

Оно стояло тут и тогда, когда мы с девочками прибежали в парк, а потом веселой стайкой возвращались обратно по этой липовой аллее, протянувшейся вдоль пруда. А вот и мостки, где бабушка учила полоскать белье. Вид у них довольно хлипкий, все поросло осокой. Конечно, кто же сейчас белье в пруду полощет? А дома на берегу — те же самые, деревенские.

Мигом пролетела знакомый проулок. Вот она — наша улица. В груди радостно екнуло. И название пришло сразу — Третья Балковская. Не знаю, есть ли еще в каком-то другом месте улицы, которые, прозываясь одинаково, различаются по номерам, как дома? Здесь этих Балковских аж семь штук. И пересекает их речка с таким же именем, потому как течет по балке.

Конечно, многим этим улицам давным-давно поменяли наименования, но люди по обыкновению еще пользовались старыми. Я с детства знала эту странную особенность с множеством имен и в городе, и в нашей семье. Мы произносили одно название улицы, а на конверте писали другое. Бабинька носила одну фамилию, моя мама — другую, общую с папой, а в детстве вовсе — третью. Из вечного детского стремления докопаться до сути я рано узнала, что у мамы, пока она не вышла замуж, была фамилия ее отца, а дедушка Андрей не родной ей папа, а значит, мне не родной дед. Эта деталь никого не волновала, потому что более родного и любимого папку и дединьку представить было невозможно.

Издали увидела бабушкин дом. Тот самый, на шесть окон. Какое счастье! Правда, постарел он, как будто присел. Ворота давно не красили. Окошки погашены.

На подоконниках не видно бабинькиных цветов в глиняных горшках. Раньше они пышно цвели большими красными и фиолетовыми колокольчиками и назывались красиво — глоксиния. С улицы казалось — окна расцвечены огнями.

А в кухне стоял раскидистый куст столетника. Бабушка почитала его лекарством и, когда хотела подлечиться, просто отламывала колючий лист и с хрустом ела. Я однажды тоже попробовала, но долго потом плевалась.

Вспомнилось, как весело здесь проигрывался жаркий летний Иванов день. Обязательной частью праздника являлось обливание друг друга водой. Для этого ребятишки вооружались насосами, сделанными из камышовых трубок, их набирали в зарослях у речушки. И домой с гулянья я возвращалась промокшая до нитки.

Однажды в такой день мы с моей любимой сестрицей Людой (мне исполнилось тогда двенадцать, а ей четырнадцать лет), облив водой соседского мальчишку Колянко, понеслись во весь дух к нашему дому. Мокрый товарищ по играм помчался вслед за нами. Тут как раз на дороге попала моя бабинька, шедшая от колодца с коромыслом на плечах. Мы с Людой с визгом спрятались за ее спину, а Колянко, разогнавшись, выпустил весь водный заряд из самодельного насоса прямо в пышную бабушкину грудь. Остолбенеv от неожиданности, он бормотал скороговоркой:

— Тетя Маруся, я не хотел! Простите меня! Я не хотел!

Бабинька неспешно сняла с плеч коромысло, поставила полные ведра на траву и вдруг окатила из одного из них оторопевшего парнишку с головы до ног холодной колодезной водой.

— Вот и я поиграла! — засмеялась она и направилась к воротам, провожаемая нашим дружным хохотом.

Я постояла возле дома, мысленно вошла во двор, прошла по избе. Стены горницы по обычаю того времени украшали портреты. В центре — бабинькин, по бокам — фото ее мужей, Николая и Андрея. Не от сладкой жизни выходила она замуж дважды. Первый раз совсем молоденькой девушкой. В семье имелось еще две дочери, в девках засиживаться было негоже. Образование, четыре класса церковно-приходской школы, считалось достаточным. С Николаем прожила недолго. Родила четверых детей, троих похоронила в младенчестве. Сам Николай тоже умер молодым от сердечной болезни, оставив бабушку с четырехлетней дочерью на руках.

Для своего второго мужа Андрея, ставшего родным папкой моей маме, она была четвертой женой. Ото всех уходил. С ней остался. Эти семейные подробности я выведала в довольно нежном возрасте, и чем старше становилась, тем больше гордилась своей бабушкой. Золотой характер! От таких — не уходят! Я никогда не видела ее унылой или сердитой. Даже когда у дедушки случался редкий приступ извечной русской болезни — запой, — она не ругалась, ухаживала за ним и даже в этой ситуации находила повод для шутки. Овдовела во второй раз в пятьдесят шесть лет.

Когда я студенткой собралась замуж, она с житейской мудростью напутствовала: «С мужем не сорься! Когда в дом придут сродники или друзья, обязательно посади за стол. Даже если в доме ничего нет, картошку свари и чай вскипяти». Сама она так и жила по этому принципу. Редкий день к нам в хату не заходили на приветливый бабшкин огонек соседки, молодые и не очень, посоветоваться по хозяйственным делам; сродники — повечерять за чашкой чая и поделиться семейными новостями; мои подружки — поиграть на завалинке. Всех встречали с радостью и улыбкой.

Сын бабшкиной старшей сестры привел в дом жену, не посчитавшись с мнением матери. Та присмотрела себе в снохи девушку с приданым, а тут — приез-

жая сирота без роду и племени. Нелегко ей приходилось угождать свекрови. Выручала моя бабинька: отогревала, жалела, советовала.

В характере ее причудливо сочетались радушное хлебосольство с привычкой постоянной экономии, приобретенной за те нелегкие годы, о которых я во времена счастливого детства даже не догадывалась. В доме не выбрасывалась ни одна тряпочка, ни один, казалось бы, ненужный клубочек, все шло в дело. Вязальный крючок или юркий челнок, послушные бабушкиным рукам, превращали их в красочные и добротные половички и коврики. Не однажды я видела, как моя бабинька при наличии большого количества стряпни в доме готовила себе отдельное кушанье. Она накладывала в чашку сухарики, заливала их кипятком и кидала туда какую-нибудь зеленушку.

— Что это, бабинька? — спрашивала я.

— Тюря, — улыбаясь, отвечала бабушка.

— Это вкусно?

— Вкусно, Анюта.

— Дай попробовать! — я хватала ложку, зачерпывала горячую кашу и совала в рот. — Нет, бабинька, невкусно!

— Ну, пойдй, покушай кисельку.

— А киселек клюковкин?

— Клюковкин, детка...

Киселек у бабиньки знатный. Нижним слоем в больших тарелках разливалась густая манная каша, сверху — такой же густой кисель. Лакомство застывало, и его можно было резать, как пирог, и именно кушать, а не пить.

Я улыбнулась, вспомнив и другой разговор.

— Мама, зачем ты ешь позавчерашнюю окрошку? Она закисло! Вылей! — возмущалась моя мама.

— Да пусть лучше пузо лопнет, чем добро пропадать! — смеялась в ответ бабушка...

Время двигалось к обеду. Нужно еще многое успеть. В первую очередь — побывать на кладбище. Бабушка маленькую водила меня туда, показывала последние пристанища родственников. Вместе с ней и это путешествие казалось вовсе не грустным. Она разговаривала с ушедшими, как с живыми, прибирала могилки, угощала меня домашними постряпушками. Да и само кладбище стояло на веселом месте, было чистым и ухоженным.

Дорога к нему шла вдоль луга, который в этот день поражал пышным многоцветьем. В душе вновь проснулось опасение заблудиться. Но, видимо, сама бабинька помогала мне сегодня. Я вышла к ее памятнику, будто знала дорогу.

Потом мы снова, уже не спеша, бродили по улицам моего детства. В кармане куртки лежал конверт с надписанным маминой рукой адресом. Там жила ее двоюродная племянница, моя троюродная сестра по дедовой линии, которую я не помнила в силу разницы в возрасте. Но жива ли она? Ведь письму этому уже лет пять. Да и улицы с таким названием я не знала.

И опять провидение вывело меня на знакомую с детства первую Балковскую, которая и оказалась той самой. Даже дом не пришлось долго искать. Ворота открылись, навстречу вышла женщина значительно старше меня. Видно, только что оторвалась от огородных работ.

Я сумбурно объясняю, кто мы такие. Вижу, как засветилось радостью ее лицо и руки потянулись, чтобы обнять. Мы долго сидим на завалинке под окошком с кружевным наличником. Мне не хочется тратить время на чаепитие с вновь обретенной сестрой, хочется говорить и говорить...

Тамара знает много из того, что случилось с семьей задолго до моего рождения.

Она рассказала, как в тридцать седьмом году расстреляли родного брата наших дедушек, как близкие поддерживали друг друга во время войны, как ровесницы моей мамы выходили замуж за уцелевших, но покалеченных мужчин.

К сожалению, Тамаре ничего не известно о сегодняшней судьбе моих сестер со стороны бабушки, они не приходятся ей сродниками.

— Я так любила приходить в гости к тете Марусе! Ее дом всегда встречал какой-то особенной чистотой и теплом, — сказала она уже под конец нашей беседы. — А ты знаешь, что твоей бабушке смолоду дали прозвище «Огонек»? Все у нее получалось легко, она никогда не унывала, шустрая была и веселая.

На обратном пути мальчишки засыпали вопросами о том, кто кому кем приходится, потом вместе с моей дочерью взялись выуживать информацию из интернета о маленьком уральском городке своих предков.

А я думала о бабинеке. Я не знала ее молодой, но огонек доброты и жизнелюбия горел в ней всегда. Как русская печь обогревает избу, так и бабинекиного душевного тепла хватало на всех, кто был и рядом, и далеко. И еще я знала, что вернусь сюда не один раз и обязательно разыщу своих сестер ради семьи и в память о бабушке.

ДОЛГОТЕРПИЕ

Июль. Жара. Пятый час трясусь в междугороднем автобусе. Новенький «хайгер» бьется в судорогах на стиральной доске разбитого шоссе. Когда попадаютя особо крупные колдобины, он с грохотом подпрыгивает, жестко припечатывая пассажиров к сиденьям.

Четвертый год подряд езжу я по этой дороге в город своего детства. Воспоминания о нем возвращают мне образ большой дружной семьи со сложными родственными узами и не всегда простыми отношениями. Бабушки наши крепили и усмиряли, при надобности, этот разновозрастной клан. Они готовы были поддерживать детей, внуков, правнуков, племянниц, снох и просто соседей. Мне, единственному у своих родителей ребенку, хорошо было в таком теплом окружении. А многочисленные троюродные ровесницы стали любимыми сестрами. Сейчас, когда мы остались старшими в роду, особенно остро ощущается необходимость сестринской дружбы.

Мное произошло в моей жизни за три последних года. Я наконец-то получила весточку по интернету от старшей среди нас Людмилы, которая нашлась в Нижнем Тагиле. Через Люду вышла на родную ей Соню и подружку Ирину. А перед этим, спасибо всемирной паутине, разыскала Татьяну. Нас не связывает общее детство — она на несколько лет моложе. Но бабушки наши приходились друг другу единоутробными сестрами, и родниться с ней легко и естественно.

Я улыбаюсь, думая о подругах, и забываю об усталости. Ничего. Нужно только немного потерпеть. Уже вечером я обниму Людмилу, а наутро мы вместе отправимся туда, где живут наши воспоминания и где нам всегда рады. Там растут могучие кедры, липы смотрятся в гладь пруда, а старые названия улиц предпочтительней новых. Потерпеть... А как умели терпеть наши бабушки!

Самой суровой и неласковой считалась старшая сестра моей бабинеки, бабушка Вена. Многочисленные внучата побаивались ее неулыбчивости. Одна Танюшка липла к бабуне в детстве, да и теперь, повзрослев, моментально встает на защиту при любом нелестном высказывании о ней. Молодец! В Татьяне и самой есть та же твердость. А как иначе, если семья из одних мужиков состоит: муж и три сына. Это надо генералом в юбке быть, чтобы всех в узде держать. Сейчас мальчишки уже взрослые, внуками мать окружили, но знают: ежели что не так, она и креп-

ким словом обласкает, и на своем поставить сумеет. Снохи за свекровью — как за каменной стеной. Спасибо бабе Вене! Научила.

Старшая сестра моей бабиньки родилась в конце девятнадцатого века. Пережила троих мужей. В первом и втором браке родила восьмерых детей, из которых выжили шестеро. В те времена женщины не разводились. Даже если муж пил и бил — терпели, хранили семью. Только оставаясь вдовами выходили замуж в другой раз: одной с детьми тяжелей.

В такую вот трудную пору, между вторым и третьим замужеством, баба Вена и в тюрьме успела побывать. Работала она уборщицей в продуктовом магазине. Попалась на мелком воровстве. Спрятала под фартуком кулек из обрывка старой газеты с несколькими карамельками: очень уж хотелось свой выводок сладким побаловать.

Потом Вена снова замуж вышла за вдовца с двумя детьми и еще одно дитя родила. Третий муж последние десять лет своей жизни тяжело болел, совсем не вставал с лежанки за печью. И хоть внуки и корили бабушку за неласковость, но после смерти отца приемные дети наравне с родными почитали ее за мать, как и должно. Что касается улыбок, то на них у бабы Вены сил, видно, уже не оставалось.

Бабушку Вену опасалась не только детвора. Взрослые сыновья и зятя знали ее суровый нрав. Стоило только услышать, что кто-то из них в семье обижал жену или детей, она чинила скорую расправу, обхаживала виновника тем, что попадалось: поленом ли, ремнем ли солдатским с латунной пряжкой. Перечить никто не смел. Росточка она была махонького, всего сто пятьдесят сантиметров, но руку имела тяжелую. Здоровые мужики под ее взглядом сжимались. Под защиту брала всех малых и слабых. И нелюбимую сноху, мать Танюшки, защищала наравне с дочерьми. Умница Татьяна, что бабушку добром помнит!

Незаметно пролетела еще пара часов. Остановка. Пересадка. Мысленно ругая себя за тяжелый чемодан и сумку, тороплюсь успеть на ближайший автобус до Нижнего Тагила. Муж, провожая меня утром, уговаривал оставить половину вещей дома. А я объясняла, что это все подарки. Как же без них? В гости к родне принято с подарками являться. Так моя бабинька всегда делала.

От Екатеринбурга до Тагила шла обычная газелька, и поездка при расстоянии в сто восемьдесят километров не обещала быть комфортной. С трудом втиснувшись со своим багажом в узкий проход, пробираюсь в конец салона. Здесь с удивлением обнаруживаю, что мест только пятнадцать, а у меня билет на семнадцать.

— Женщина! Вам на водителя надо! — советует кто-то из пассажиров.

С трудом пытаюсь вникнуть в смысл сказанной фразы.

— Вам — на водителя! — слышится с другой стороны.

Догадываюсь, что мне советуют поместиться на сиденье рядом с водителем. Начинаю обратное движение. Молодая женщина с небольшой поклажей предлагает поменяться местами. Я с благодарностью устраиваюсь на тот отдельный стульчик в маршрутке, где приходится сидеть боком к направлению движения. Ногами обнимаю чемодан, руками — громоздкую сумку. Справа и слева в меня упираются колени пассажиров и тех, что едут вперед спиной, и тех, что обращены лицом к дороге.

В тесном салоне душно, кисло пахнет потом. Очень пожилой женщине справа от меня становится плохо, она просит открыть окно. Пассажирка с заднего сиденья тут же начинает громко возражать, утверждая, что после выписки из больницы ей вреден сквозняк. Недовольство быстро охватывает и других. Раздаются возмущенные возгласы о том, что нас везут, как скотину, что правительство тратит деньги на футбол, а не на ремонт дорог...

— Не нравится — ездай на такси! — бросает реплику обозленный жарой и нашим роптанием шофер.

Наступила короткая пауза. Особо рьяные уже набрали в грудь воздуха, чтобы ответить поязвительней. Вдруг откуда-то из середины прозвучало насмешливо и очень спокойно:

— Ну, поговорили? Пар выпустили? Вот и хорошо! А теперь дальше поехали.

Спор моментально утих, как волнение на воде от вылитого масла.

— Ак, пошто это мы? — прозвучало уже совсем мирно.

На душе потеплело. Только здесь я могла услышать эти нелепые словечки с неподражаемой интонацией. И правда — стоит потерпеть дорожные неудобства ради долгожданной встречи.

Я опять вернулась мыслями к бабушкам нашей семьи. Какими долготерпеливыми были они...

Старшая моя сестренка Людмила почти с младенческого возраста воспитывалась бабушкой Анной, матерью отца. Родители Люды с еще тремя детьми жили в другой половине этого же дома. Свое место жительства маленькая Люда определила сама. Взрослые ничего не смогли с этим поделаться. Сестра с детства была «своебышной», как говаривала моя бабинька.

Людиной бабушке жизнь приготовила кусок не слаще других. Она даже не имела возможности в начальную школу ходить, грамоте не обучалась. Когда ее любимая внучка, окончив десятилетку, уехала в большой город, письма ей писала моя бабинька под диктовку бабы Анны.

Замуж шестнадцатилетнюю Аннушку выдали за мужика из соседней деревни. Отслуживший долгий срок в армии, старше жены-девчонки на восемнадцать лет, он стал ей суровым и неласковым мужем. Детей им бог много не дал, только троих, но и через них Анна приняла на себя горя достаточно.

Старшая дочка в шестнадцать добровольно ушла из жизни после трагедии: какие-то нелюди совершили над ней насилие. Со второй — отец велел порвать отношения, объявив ее гулящей. Провинность дочери состояла в том, что без родительского благословения и венчания она вышла за вдовца с тремя детьми. Прожила с ним «во грехе» до его смерти много лет, вырастила приемышей как родных. Анна всю жизнь общалась с Марусей тайком, чтобы муж не знал.

Сын бабушки Анны и деда Николая, отец Людмилы, тоже не отвечал жестким требованиям отца. Фронтовик, вернувшийся с войны весь израненный, но в орденах и медалях, был веселым гармонистом, а характер имел задиристый. Соседи и знакомые звали его на все семейные праздники, где по деревенской привычке хорошо угощали. И дело редко обходилось без пьяной драки. После одной из таких потасовок ее участников увезли в соседний город и на несколько дней закрыли в милицейском участке.

Аннушка собралась в дорогу, чтобы заступиться за сына. Николай же так озлился на него, что отказался дать жене подводу с лошастью. Тогда Анна отправилась пешком. Шла двое с половиной суток, ночевала в лесу. Вернулась домой с сыном — не потому, что ее заступничество помогло, просто к тому времени в милиции разобравшись с бузотерами и отпустили всех по домам.

Недовольство жизнью и детьми дед Николай вымещал на бабушке Анне. Она же, безропотная, тихая и улыбчивая, терпела все молча. Я помню, как в конце жизни старый ворчун, совсем больной и немощный, продолжал поучать внучку и жену хриплым голосом, грозя скрюченным пальцем. Анна с неизменной светлой улыбкой ухаживала за мужем.

Однажды строптивая внучка осознанно сделала бабушке пакость. Анна помогала людям, заговаривая молитвой всевозможные болячки. Зная, что к ней вечером придет соседка со своей бедой, двенадцатилетняя Люда с утра утащила на се-

новал икону, с помощью которой бабушка творила заговоры, и вымазала лик святого зеленой краской. К приходу посетительницы хулиганка улизнула из дома и, опасаясь справедливого наказания, не возвращалась дотемна. Но бабинька,ждавшись ее, только укоризненно сказала: «Люда, ты зачем это сделала? Не делай больше так».

Спустя много лет, рассказывая об этом случае, сестра призналась, что в жизни не испытывала большего стыда.

Следующий по приезду день был заполнен прогулками по памятным тропкам, встречами, разговорами и мелкими стычками-непонятками между отвыкшими друг от друга сродниками. Июльская жара усиливала раздражительность, заставляя спорить по всяким незначительным поводам.

Вечером мы, четыре сестры, собрались в доме подружки детства — Иринки. Дом стоял на хорошем месте: на берегу запруды, рядом с кедровой рощей. В деревянных стенах дышалось легко. Но и в этой мирной домашней обстановке мы с Людмилой продолжали шпынять друг друга. Мне ни разу не удавалось в разговоре развить до конца высказываемую мысль. Людмила перебивала. Делала она это не нарочно, просто не вслушивалась.

За окном стемнело. Внезапно ярко и очень близко польхнула молния. Громыкнуло так, что мы ахнули хором. Погас свет. Икнул и замолчал телевизор.

— Вот это да! — выдохнула я.

— Как в детстве! — поддержала Людмила.

Муж Ирины зажег свечи. Наши лица в колеблющемся свете выглядели моложе, чем днем. Да и атмосфера казалась какой-то детской, возникшей из далекого прошлого.

— Я до сих пор грозы боюсь, — призналась Люда.

— И я, — эхом повторила Соня.

— Иринка! А помнишь, как однажды дошколятами мы с тобой прятались от грозы в вашем доме под кроватью? Кровать-то где стояла, в сенках? — вспомнила я.

— В сенках, — подтвердила Ирина. — Зато с какой радостью мы бегали и прыгали потом на мокрой поляне перед воротами. Брызги так и летели в разные стороны.

По стеклу стучал дождь. Время от времени темноту прорезала ломаная дуга молнии. Грохотал гром. Мы, сблизив головы над столом вокруг мерцающего язычка пламени, с нежностью оживляли картинки былого.

— Иринка, ты помнишь, что выкрикивала, когда мы на лужайке после грозы веселились? — спросила я подругу.

— Нет! А что?

— Ты говорила, что это Боженька сердится и молнии с громами на нас посылает.

— А ты что?

— А я заявляла, что Боженька жил в древние времена, а теперь вымер. Что еще я могла сказать при родителях-атеистах? Самое интересное, что тут же присутствовали наши бабушки. Они, смеясь, наблюдали за внучками, ни одна не оговорила озорниц.

— Они никогда нас не ругали, — подтвердила Соня.

— А меня бабинька все-таки научила молиться, — похвасталась Татьяна. — И «Отче наш», и молитву Богородице заставила вы зубрить с детства. У нее в сундуке хранилась толстая Библия, написанная на латинице. И каждый раз бабинька закрывала сундук на маленький замочек.

— Хорошее было время. Мама — рядом... — На лицо Иринки набежала тень.

Мы замерли в немом сочувствии. Детское счастье подружки обрушилось в один день, когда ссора родителей неожиданно закончилась трагедией. Выстрелы ружья, оказавшегося в руках матери, оборвали жизнь ее и маленького брата Ирины...

— Дорогая, прости меня за бестактность, как в семейном горе повела себя твоя бабушка? — рискнула я спросить.

— Ты знаешь, папа запретил ей приходить. Объяснил, что тяжело видеть мать погибшей жены.

— Как же ты без нее обходилась?

— Однажды убежала из дома и заявила, что хочу остаться у бабиньки. Но она велела вернуться к отцу. Сказала, что ей меня все равно не поднять на пенсию в двадцать восемь рублей.

Мы помолчали. Сколько печальных моментов случилось в жизни наших бабушек...

— Иринка, а кто тебе с детьми помогал? — поинтересовалась Соня. — Я знаю, что ты почти не сидела в декретных отпусках.

— Так бабинька же! — засмеялась подруга. — Отца к тому времени уже не было в живых. Она правнуков и вырастила. По пятам за ними ходила, как за мной в детстве. Я, бывало, на пруд иду купаться — бабинька следом бежит.

Мы возвращались домой по ночной улице, вдыхая воздух, промытый дождем. Справа и слева я чувствовала тепло сестринских рук. То и дело кто-то из нас попадал ногами в лужу, что сопровождалось вскриками и смехом. Я думала о долготерпии наших бабушек. Чем же оно питалось? Конечно, любовью!

Недаром в Евангелии говорится, что долготерпие — первое качество настоящей любви.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносит, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

